JEL: O10, R12, R58

УДК 332+338

DOI: [10.14530/se.2018.4.008-020](https://doi.org/10.14530/se.2018.4.008-020)

«СТРАТЕГИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ» В ИНТЕРЬЕРЕ КОНЦЕПЦИЙ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

П.А. Минакир

Минакир Павел Александрович – академик РАН, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель. Институт экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск, Россия, 680042. E-mail: minakir@ecrin.ru.
ORCID: 0000-0002-5451-5662

Аннотация. Выполнен сравнительный анализ содержания предлагаемой для утверждения и исполнения Стратегии пространственного развития РФ до 2025 г. и теоретических концепций, которые должны были бы лежать в основе подобной стратегии. Рассмотрены основные концепции пространственной организации экономики и общества, в том числе концепции размещения фирм и отраслей, модели пространственного развития и роста, концепции пространственного разнообразия и неравенства, принципы и формы региональной государственной политики, институциональная динамика. Исследованы отношения соподчиненности и конкуренции теоретических концепций и их отображения в экономической политике. Показано, что отсутствие адекватной системы, описывающей соподчиненность и взаимодействие концепций пространственного развития, является главной причиной конфликтующих результатов теоретического и практического плана как в области собственно научного описания, так и в сфере практической пространственной политики. Сделан вывод о необходимости выработки сбалансированной государственной политики, направленной на синхронизацию центробежных (пространственная концентрация) и центростремительных (распространение эффектов концентрированного размещения ресурсов в пространстве) эффектов социально-экономического развития, а также на продуцирование приоритетов и ограничений развития отдельных территорий.

Ключевые слова: стратегия, концепции, теория, региональная политика, пространственное развитие, Россия

Для цитирования: Минакир П.А. «Стратегия пространственного развития» в интерьере концепций пространственной организации экономики // Пространственная экономика. 2018. № 4. С. 8–20. DOI: [10.14530/se.2018.4.008-020](https://doi.org/10.14530/se.2018.4.008-020).

For citation: Minakir P.A. Spatial Development Strategy: A View from the Concepts of Spatial Organization in the Economy. *Prostranstvennaya Ekonomika* = *Spatial Economics*, 2018, no. 4, pp. 8–20. DOI: [10.14530/se.2018.4.008-020](https://doi.org/10.14530/se.2018.4.008-020). (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

В середине 2018 г. опубликована финальная версия проекта Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. (Стратегия..., 2018), которая с момента ее опубликования превратилась в самый, пожалуй, обсуждаемый правительственный проект, за исключением разве что закона о реформе пенсионной системы. «Фундаментальность» этого проекта, очевидно, должна, по мысли разработчиков и инициаторов, подтверждаться ссылкой на федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Однако наличие неудачного закона еще не оправдывает бросающееся в глаза несоответствие претензий и реального содержания проекта. Не объясняет ссылка на закон также и готовность экспертного сообщества обсуждать проект, базирование которого не на политической конъюнктуре, а на теоретических и экспериментальных научных результатах длительных исследований проблем пространственного развития вовсе не является аксиомой. Попытаемся ответить на относительно простые вопросы, которые лежат на поверхности этого документа. Во-первых, является ли представленный проект действительно стратегией? Во-вторых, что подразумевается в этом проекте под пространственным развитием? В-третьих, как соотносится этот проект с каноническими концепциями пространственного развития?

СТРАТЕГИЯ ИЛИ ПОИСК «ВОЛШЕБНОГО РЕСУРСА»?

Настойчивое упоминание в тексте проекта термина «стратегия» само по себе не убеждает, что дискутируемый столь страстно на самых высоких административных уровнях и в экспертном сообществе документ действительно является стратегией. Конечно, в том случае, если под последней понимать совокупность решений и действий, направленных на достижение некоей цели.

В проекте в качестве цели пространственного развития Российской Федерации определяется «устойчивое и сбалансированное пространственное развитие Российской Федерации, обеспечивающее развитие человеческого капитала, сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, ускорение темпов экономического роста и технологического развития, национальную безопасность страны» (Стратегия..., 2018, с. 13). Слово «пространственное» вполне может быть исключено из этой декларации, в которой речь идет о столь же правильных, сколь и абстрактных намерениях: развивать человеческий капитал, ускорять темпы роста, обеспечивать безопасность.

Конечно, все эти благие пожелания вполне проецируются и на процессы, происходящие в пространстве. Однако все экономические и социальные процессы так или иначе осуществляются в пространстве, даже, казалось бы, нелокализуемые макроэкономические параметры (темпы инфляции, курс валюты, учетная ставка и пр.) в конечном счете формируются под воздействием процессов, протекающих в реальной экономике, которая физически существует именно в пространстве. Из этого следует, что какой-либо специфической цели функционирования и развития системы «пространство» не существует или, во всяком случае, ее не сформулировано в анализируемом проекте. Почему же тогда дискуссии разворачиваются по поводу оценки содержания стратегии? Если нет цели, которой должна достичь система (или игрок, агент), то нет и стратегии как последовательной системы действий по достижению этой цели при заданных ресурсах и воздействии внешней среды. Очевидно, и авторов, и экспертов заворачивают две формулировки из вышеприведенной цитаты: 1) сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, 2) ускорение темпов экономического роста и технологического развития.

Говоря о пространственном развитии, первую из этих формулировок можно вполне принять в качестве цели преобразования экономического пространства. Следует, правда, уточнить, о каких именно межрегиональных различиях идет речь (экономических потенциалов, уровней доходов, экономических структур или еще каких-то). В литературе (Минакир, 2001, с. 423–461; Пространственные..., 2002, с. 120–143) давно и достаточно убедительно показано, что существуют возможности сглаживания подушевых межбюджетных и доходных межрегиональных различий с помощью разнообразных трансфертов и льгот (в основном бюджетного свойства). Значительно более инерционными являются межрегиональные различия в области экономических потенциалов, использования факторов производства, экономических структур. Впрочем, Россия имеет богатый опыт (1930–1960 гг.) и подобных преобразований, которые привели к формированию новых масштабных промышленно-аграрных ареалов экономической деятельности, совершенно изменив к 1970-м гг. экономический ландшафт, который существовал еще в 1928 г. Это было достигнуто действительно за счет стратегического маневра общественными ресурсами накопления и потребления, и хотя в то время понятие «стратегия» не употреблялось, но это был впечатляющий (хотя и спорный с политико-экономической точки зрения) результат.

В рассматриваемом проекте, однако, речь идет не о политике выравнивания доходов, которая на уровне бюджетных трансфертов осуществляется в постоянном режиме, и не о перекраивании размещения производительных сил ради достижения политических и идеологических целей, а об увели-

чении продуктивности используемых ресурсов за счет максимизации эффектов агломерации, что должно обеспечить ускорение «...экономического роста Российской Федерации и субъектов Российской Федерации за счет... развития текущих крупных центров экономического роста – крупнейших и крупных городских агломераций и минерально-сырьевых центров» и «...за счет... развития перспективных центров экономического роста» (Стратегия..., 2018, с. 14).

Иначе говоря, речь в действительности идет не о стратегии пространственного развития, которое существует само по себе, предоставляя в распоряжение проектантов новый, как им представляется, инструмент для решения проблемы ускорения национального экономического роста – городские агломерации, эффективность использования ресурсов в которых и вероятность генерации спроса существенно выше, чем в условиях разреженного рынка. Тяготение экономических агентов к агломерационным системам, концентрированным рынкам и концентрированным ресурсам является хорошо известным фактом и подробно описано в различных теоретических концепциях А. Лёша, Н. Колосовского, И. Александрова, М. Портера (Лёш, 1959; Портер, 2000; Александров, 1931; Колосовский, 1947). Вот только речь в них идет немного о другом.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРОСТРАНСТВЕННОМ РАЗВИТИИ

В соответствии с концепцией А. Лёша наилучшим вариантом размещения для экономических агентов является наличие упорядоченного пространства, характеризуемого наличием хотя бы одного главного города, вокруг которого концентрически располагаются его рыночные зоны. То есть акцент делается вовсе не на городе, как таковом, но на городе как центральном узле системы рыночных зон, то есть на сформированном экономическом районе, на экономическом ландшафте, который по А. Лёшу представляет собой систему рыночных сетей, связанных с «главным городом» (Лёш, 1959). Более того, сами по себе сравнительные преимущества той или иной точки географического пространства недостаточны для принятия решения о размещении в ней и/или ожидания максимальной ренты. Наиболее важное значение имеет степень использования в той или иной точке, характеризуемой относительно благоприятными условиями для экономической деятельности, возможностей рынка, рыночных зон, сети которых образуют экономический район.

Стремление фирм размещаться в рамках уже набравшей силу концентрации экономической деятельности в том или ином районе, эксплуатируя экономию от масштаба за счет использования экстерналиев, находится так-

же и в центре концепции А. Маршалла. Именно внешняя экономия от масштаба является для сформированных регионов мощным локомотивом их развития, так как «...внутренняя экономия, которую каждому предприятию приходится обеспечивать самому, зачастую очень мала по сравнению с той внешней экономией, которая является результатом общего прогресса всей сферы индустрии; местоположение предприятия почти всегда играет большую роль в определении размеров внешней экономии, которую оно может получить...» (Маршалл, 1984, с. 134–154). То есть и в данном случае экономические агенты ориентируются на объективные экономические параметры, формирующиеся в процессе самоорганизации или регулируемой организации рыночного пространства и пронизывающих его экономических связей, а не на «центральность» города или другого населенного пункта самого по себе. То есть основной закономерностью, определяющей минимизацию издержек, на что ориентируются экономические агенты, является их тяготение к сосредоточенному размещению своих производств, обеспечивая развитие пространственной концентрации (Лёш, 1959, с. 19), в результате чего и возникает агломерационный эффект. Концентрация производств в отдельных узлах способствует увеличению масштабов производства в них за счет размещения вспомогательных и сопутствующих отраслей, объединения рынков сырья, рабочей силы, готовой продукции, финансовых ресурсов, совместного использования производственной инфраструктуры по сравнению с изолированным размещением промышленных предприятий.

Экономия от масштаба является ориентиром при принятии решений экономическими агентами также и в рамках концепции новой экономической географии, хотя в этом случае речь идет не о внешней, а о внутренней экономии фирм, которая определяется масштабами используемого рынка или рыночной зоны (Arnott, Wrigley, 2001). То есть фирмы при выборе места размещения всегда стремятся в рыночную зону максимальной мощности, что обеспечивает максимальную ренту при прочих равных условиях, но справедливо это только в случае абсолютной мобильности факторов производства, используемых фирмой.

Конечно, следует иметь в виду, что возможности практического применения теоретических конструкций ограничены рядом реальных условий и взаимосвязей. В частности:

- типом экономической среды (конкурентный рынок, централизованное или псевдоцентрализованное планирование);
- типом конкуренции (совершенная конкуренция, несовершенная конкуренция, плановый арбитраж);
- характером географических пространств (плотное или разреженное пространство);

- степенью сложности структуры экономической деятельности в пространстве;
- типом рыночных районов/зон (эволюционные или программные, экономические или административные);
- целями государственного регулирования.

Эти ограничения, как и большое разнообразие самих теоретических конструкций, означает в общем случае, что невозможно выбрать или скомпоновать некую каноническую теоретическую модель, пригодную для описания всех возможных комбинаций характеристик экономического пространства и экономических агентов, формирующих его своими взаимодействиями. А следовательно, претензии на создание некоей «стратегии пространственного развития», опирающейся на «научные основы пространственного развития», не обоснованы. Они могут лишь опираться на произвольно выбранную концепцию, отражающую вкусы разработчиков или заказчиков, либо предложить механическое смешение разнородных оснований, конфликтующих не только между собой, но и с характеристиками реального пространства и реальных взаимодействий образующих его агентов.

Отмеченная выше целевая установка стратегии как раз и привела к эклектической конструкции, включающей в себя и провозглашение городов полюсами роста, имея в виду и рост конкурентоспособности административных регионов, и межрегиональное экономическое выравнивание, и выделение приоритетных территорий.

ОБЪЕКТЫ И СУБЪЕКТЫ СТРАТЕГИИ

Что же все-таки является той системой, стратегия развития которой обсуждается столь широко и заинтересованно? В рассматриваемом проекте из множества предлагаемых и обсуждаемых в научной литературе представлений о пространстве (Минакир, Демьяненко, 2014, с. 41–46) делается выбор в пользу рассмотрения административного пространства. То есть объектом планирования является административно-территориальное деление страны (субъекты РФ, города, сельские районы). Правда, сами авторы проекта вынуждены признать, что это представление об экономическом пространстве не вполне адекватно реальному объекту в связи с наличием не укладывающихся в административно-территориальную сетку «минерально-сырьевых центров». Но в целом объект стратегического планирования описывается как социально-экономическое развитие административных территорий, под которыми подразумеваются: 1) городские агломерации и отдельные города с численностью населения свыше 100 тыс. человек, 2) малые и средние города, сельские территории, 3) минерально-сырьевые центры, 4) геострате-

гические территории Российской Федерации (Стратегия..., 2018, с. 15). При этом под городскими агломерациями и крупными городами подразумеваются, как отмечалось выше, административные центры субъектов РФ. Последние и оказываются элементами пространственной системы, стратегия развития которой обсуждается в проекте.

Является ли стремление к развитию всех административно-территориальных единиц, образующих территориальную структуру государства, стратегической задачей? Очевидно, что да, если в этой структуре выделяются отдельные элементы, достижение желательного уровня развития которых жизненно важно для государства и не может быть достигнуто иначе, чем методами стратегического планирования. В проекте такими элементами, очевидно, можно было бы считать «геостратегические территории» (рис.), если бы они не занимали едва ли половину всей площади РФ. А если учесть еще и то, что «стратегическими объектами» являются также и все крупные и мелкие города на всей территории России, а также прилегающие сельские территории, да еще и в полном объеме все субъекты (одной из основных задач провозглашается «реализация конкурентных преимуществ субъектов Российской Федерации и отдельных территорий через развитие эффективных экономических специализаций») (Стратегия..., 2018, с. 15), то приходится констатировать, что реального объекта стратегического планирования просто не существует.

Рис. Геостратегические территории в РФ
по версии проекта Стратегии пространственного развития

Примечание: I – субъекты РФ с эксклавным положением; II – субъекты РФ, граничащие со странами ЕС, чей уровень развития ниже среднероссийского; III – субъекты РФ, расположенные на Северном Кавказе; IV – субъекты РФ, граничащие с Монголией и КНР; V – дальневосточные субъекты РФ; VI – субъекты РФ, входящие в Арктическую зону.

Источник: карта-схема выполнена В.Д. Хижняком.

Кто же является субъектом (субъектами) этой Стратегии? С одной стороны, рациональная организация экономики в пространстве, не учитывая специальных регулирующих воздействий, а имея в виду канонические представления о концентрации, максимизации дохода и рациональности использования ресурсов, генерируется поведением самих экономических агентов, максимально заинтересованных в рациональном использовании пространства как совокупности рыночных зон. С этой точки зрения субъектами пространственной стратегии являются сами экономические агенты. Однако в самом проекте о каких-либо регулирующих воздействиях, направленных на корректировку пространственного поведения экономических агентов в желательном для достижения целей развития направлении, не упоминается.

С другой стороны, субъектом Стратегии является ее заказчик, то есть государство, которое и провозглашает вышеупомянутую совокупность целей и задач социально-экономического развития. Однако какими-либо ресурсами для достижения поставленных целей государство не располагает.

Следовательно, приходится констатировать, что стратегия пространственного развития по существу не имеет ни объекта, ни субъекта. В этих условиях разумно предположить, что речь идет о некоем желательном для государства образе (*vision*) российского пространства как инструмента для решения внутренних социально-экономических и геостратегических задач.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ: ОБРАЗЫ И ТЕОРИЯ

Представленный в проекте Стратегии образ пространства, при котором и равенства можно достигнуть, и максимизировать отдачу ресурсов за счет концентрации в «полюсах роста», не очень соответствует теоретической канве пространственного развития. Это касается как жалуемой официальными экспертами теории поляризованного развития, так и не жалуемой ими же концепции энергопроизводственных циклов (ЭПЦ). О последней приходится упоминать, потому что одним из «геостратегических пространственных объектов» провозглашаются минерально-сырьевые центры.

Теоретическим постулатом является вовсе не однородность, но, напротив, принципиальная неоднородность пространства, причиной чего являются различия в размерах производства и капитала, асимметричность информации, доступной для экономических агентов и используемой ими при принятии решений, объективные различия качества и количественных пропорций применяемых факторов производства, продуктивности и доходов. Все это приводит к формированию пространственных систем, в которых одновременно функционируют доминирующие и подчиненные экономические субъекты. Именно неравенство экономических агентов ведет к деформации

экономического пространства и, в конечно итоге, к его поляризации вокруг ведущей отрасли (отраслей) – «полюса роста» (Перру, 2007, с. 79; Perroux, 1961).

Здесь следует отметить принципиальное теоретическое отличие от утверждений Стратегии – полюсами выступают, как правило, наиболее эффективные и быстрорастущие отрасли и производства (пропульсивные отрасли), реализующие эффекты масштаба, производительности и инноваций. Эти эффекты транслируются через экономические связи, формирующиеся в пределах определенного пространства, в направлении других отраслей и производств, генерируя у них всю совокупность или какие-то отдельные элементы этих эффектов. Экономическая экспансия пропульсивных отраслей и производств в пространственную экономическую структуру стимулирует увеличение масштабов и скорости роста всей экономической структуры в данном пространстве. Очевидно, что эта конструкция далека от примитивного провозглашения полюсами роста городов с определенной численностью населения. Последнее более или менее приемлемо, если речь идет о локальных пространствах, но не о пространстве национального, а в российском случае континентального масштаба.

Деформация экономического пространства вокруг пропульсивных отраслей ведет к изменению формы и содержания отношений между экономическими агентами, образующими субъектную основу пространства. В условиях совершенной конкуренции, определяющих предпосылки моделей, описывающих эту гипотетическую форму экономических взаимодействий, экономические агенты (фирмы, предприятия) действуют самостоятельно, руководствуясь только уровнем единой цены на соответствующем отраслевом рынке и уровнем собственных издержек. Но в рамках поляризованного пространства поведение экономического агента модифицируется в результате прямого или косвенного принуждения, исходящего из «полюса». В поляризованном пространстве экономические единицы ведут себя уже не как взаимозависимые партнеры, а как члены единого, системно организованного целого. Это «целое» (макроединица, по терминологии Ф. Перру) представляет собой субпространство, отличающееся от множества иных субпространств, каждое из которых характеризуется наличием своего полюса роста и специфическими отношениями кооперации и доминирования внутри него.

То есть пространство трактуется как некая совокупность поляризованных подпространств (субпространств), каждое из которых в общем случае может обладать своим собственным состоянием равновесия, а общее равновесие экономической системы тогда определяется равновесием в каждом из субпространств. Наиболее ясную и важную с точки зрения практического построения экономической политики интерпретацию это теоретическое

положение получает в условиях больших и изначально дискретных пространств, таких как Россия (Минакир, 2001).

Очевидным следствием такой трактовки как собственно пространства, так и экономической иерархии в целом, является принципиальная возможность замены рыночного арбитража квазицентрализованным арбитражем, не в смысле тотального централизованного управления и планирования, но с точки зрения фактического регулирования пространственного рынка и процесса принятия решений в его пределах пропульсивными производствами, которые в состоянии контролировать большее число параметров, чем другие экономические агенты, в известной мере предопределяя их реакции.

Своеобразными полюсами роста являются также и концентрированные центры развития в районах добычи и переработки минерально-сырьевых ресурсов, которые формируются в соответствии с идеологией энергопроизводственных циклов, в основе которых лежит идея не «главного города», но «главной технологии». Эта концепция наиболее практически применима в условиях «разреженных пространств», когда речь идет не только и не столько об оптимальной организации сформированных рыночных зон, но о формировании новых зон на базе вновь формируемых центров производства. Сформированные на основе концепции ЭПЦ территориально-производственные комплексы (ТПК) представляют собой полюса роста для крупных экономических районов или, в терминологии А. Лёша, «центральные места» рыночных зон, а фактически «полюса роста», развивавшиеся в пределах сразу нескольких крупных экономических районов, что, конечно, плохо согласуется с требованием «повышения конкурентоспособности» каждого отдельного субъекта РФ.

Конечно, официально – экономический истеблишмент России очень не любит ТПК, но очень благоволит к кластерам. Но вкусовые предпочтения играют плохую шутку с любителями новизны, не замечающими отсутствия антагонизма этих конструкций. Обе они обеспечивают получение рентного эффекта: ТПК благодаря производственно-ресурсной взаимосвязанности и взаимодополняемости, а территориальный кластер – благодаря коммерчески-институциональным взаимодействиям бизнесов на определенной территории. В общем виде можно утверждать, что ТПК – это каркас экономического района индустриального типа, а кластер – это несущая конструкция района в постиндустриальной экономике.

Реальная экономика, особенно экономика, функционирующая в больших и неоднородных пространствах, сочетает разнообразные типы и фазы развития. Стратегическое искусство как раз и заключается в том, чтобы максимально использовать преимущества, предоставляемые неоднородностью самого пространства и богатством форм его организации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. СТРАТЕГИЯ ИЛИ ПОЛИТИКА?

Предлагаемый проект Стратегии пространственного развития РФ, конечно, представляет собой очередной шаг в направлении выстраивания системы государственного планирования. Вероятно (потому что недоказуемо), восстановление централизованного государственного планирования советского типа уже невозможно. Поэтому идеалом сторонников планового начала в экономике является концепция социально-экономического «дирижизма», ориентированная в максимальной степени на формулирование экономической политики, разработку практических рекомендаций в области государственного регулирования, которая в данном случае применяется к пространственным проблемам. Идеи этого направления лежат в основе индикативного планирования в послевоенной Европе в отличие от англосаксонского институционального либерализма, который исходит из того, что любое плановое регулирование рыночной экономики является тотальной угрозой для «свободного предпринимательства».

Теоретические корни этого направления лежат в концепции полюсов роста, порождавших нарастающий «эффект агломерации» за счет объединения дополняющих друг друга видов деятельности на уровне фирм, отраслей и их комплексов, что вело к возникновению зон и осей развития в регионе или стране. Интересы экономического развития, повышения продуктивности использования ресурсов диктуют необходимость целенаправленного (политического) стимулирования формирования таких «полюсов роста». Но одновременно с этим, как показано выше, концентрация и погоня за эффектом агломерации неизбежно приводят к нарастанию неоднородности пространства в социально-экономическом отношении, что требует столь же целенаправленного управления средой распространения эффектов, генерируемых полюсами роста.

Два этих взаимно компенсирующих стимула индикативного государственного регулирования обуславливают реальное превращение государства в «центр принятия решений» и продуцент стимулов для экономических агентов, которые бы побуждали их следовать этим решениям. Но пространственный дирижизм в корне отличается от кейнсианского дирижизма тем, что политика стимулирования должна быть избирательной, поскольку само пространство экономических решений является неоднородным.

Выработка сбалансированной государственной политики, направленной на синхронизацию центробежных (пространственная концентрация) и центростремительных (распространение эффектов концентрированного размещения ресурсов в пространстве) эффектов социально-экономического развития, а также на продуцирование приоритетов и ограничений развития отдельных территорий, очевидно и представляет собой предмет заботы экспертов и официальных инстанций. Заменить эту заботу «стратегиями» и «образом будущего» нельзя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александров И.Г.* Географические центры нового строительства и проблема районных комбинатов. М.–Л.: Соцэкгиз, 1931. 16 с.
- Колосовский Н.Н.* Производственно-территориальное сочетание (комплекс) в советской экономической географии // Вопросы географии. Сб. 6. М.: Географгиз, 1947. С. 133–168.
- Лёш А.* Географическое размещение хозяйства. М.: Иностранная литература, 1959. 455 с.
- Маршалл А.* Принципы политической экономии. Т. II / пер. с англ. М.: Прогресс, 1984. 311 с.
- Минакир П.А.* Системные трансформации в экономике. Владивосток: Дальнаука, 2001. 536 с.
- Минакир П.А.* Экономика и пространство (тезисы размышлений) // Пространственная экономика. 2005. № 1. С. 4–26. DOI: 10.14530/se.2005.1.004-026.
- Минакир П.А., Демьяненко А.Н.* Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. 2010. № 2. С. 6–32. DOI: 10.14530/se.2010.2.006-032.
- Минакир П.А., Демьяненко А.Н.* Очерки по пространственной экономике. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. 272 с.
- Перру Ф.* Экономическое пространство: теория и приложения // Пространственная экономика. 2007. № 2. С. 77–93. DOI: 10.14530/se.2007.2.077-093.
- Портер М.Е.* Кластеры и конкуренция // Портер М.Е. Конкуренция. М.: Вильямс, 2005. С. 274–276.
- Пространственные трансформации в российской экономике / под ред. П.А. Минакира. М.: Экономика. 2002. 424 с.
- Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. URL: http://www.akkor.ru/sites/default/files/spr_1.pdf (дата обращения: декабрь 2018).
- Arnott R., Wrigley N.* Editorial // Journal of Economic Geography. 2001. Vol. 1. Issue 1. Pp. 1–4. DOI: 10.1093/jeg/1.1.1.
- Perroux F.* L'économie du XXe siècle. Paris: Presses Universitaires de France, 1961. 598 p.

**SPATIAL DEVELOPMENT STRATEGY:
A VIEW FROM THE CONCEPTS
OF SPATIAL ORGANIZATION IN THE ECONOMY**

P.A. Minakir

Pavel Aleksandrovich Minakir – Academician RAS, Doctor of Economics, Professor, Research Supervisor. Economic Research Institute FEB RAS, 153 Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, Russia, 680042. E-mail: minakir@ecrin.ru.
ORCID: 0000-0002-5451-5662

Abstract. The author has conducted a comparative analysis of the contents of the Strategy of Spatial Development of the Russian Federation till 2025 and the theoretical concepts, on which such strategy has to be founded. The main concepts of spatial organization of the economy and society are: the concepts of placement of firms and industries, the

models of spatial development and growth, the concept of spatial diversity and inequality, principles and forms of regional state policy, institutional dynamics. The article studies the relations of competitiveness between theoretical concepts and their reflection in the economic policy. The lack of adequate system describing the interaction of concept of spatial development is the main reason of conflicting results of theoretical and practical plans both in scientific study and in practical spatial policy. The conclusion is that there is a necessity of developing a balanced state policy, aimed at synchronization of effects from spatial concentration and distribution of effects of concentrated placements of resources, and also setting priorities and limitations on the development of certain territories.

Keywords: strategy, concepts, theory, regional policy, spatial development, Russia

REFERENCES

- Aleksandrov I.G. Geographical Centers of New Construction and the Problem of Regional Plants. Moscow – Leningrad, 1931, 16 p. (In Russian).
- Kolovskiy N.N. The Territorial-Production Combination (Complex) in Soviet Economic Geography. *Voprosy Geografii* [Problems of Geography], Collectors 6. Moscow, 1947, pp. 133–168. (In Russian).
- Lösch A. *The Economics of Location*. Moscow, 1959, 455 p. (In Russian).
- Marshall A. *Principles of Economics. Vol. II: Translated from English*. Moscow, 1984, 311 p. (In Russian).
- Minakir P.A. *System Transformations in the Economy*. Vladivostok, 2001, 536 p. (In Russian).
- Minakir P.A. Economy and Space (Rethinking' Thesis's). *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2005, no. 1, pp. 4–26. DOI: 10.14530/se.2005.1.004-026. (In Russian).
- Minakir P.A., Demyanenko A.N. Spatial Economics: The Evolution of Approaches and Methodology // *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2010, no. 2, pp. 6–32. DOI: 10.14530/se.2010.2.006-032. (In Russian).
- Minakir P.A., Demyanenko A.N. *Essays on Spatial Economics*. Khabarovsk: Economic Research Institute FEB RAS, 2014, 272 p. (In Russian).
- Perroux F. Economic Space: Theory and Applications. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2007, no. 2, pp. 77–93. DOI: 10.14530/se.2007.2.077-093. (In Russian).
- Porter M.E. Clusters and Competition. Porter M.E. *On Competition*. Moscow, 2005, pp. 274–276. (In Russian).
- Spatial Transformation in Russian Economy*. Edited by P.A. Minakir. Moscow, 2002, 424 p. (In Russian).
- Strategy of Spatial Development of the Russian Federation for the Period up to 2025*. Available at: http://www.akkor.ru/sites/default/files/spr_1.pdf (accessed December 2018). (In Russian).
- Arnott R., Wrigley N. Editorial. *Journal of Economic Geography*, 2001, vol. 1, issue 1, pp. 1–4. DOI: 10.1093/jeg/1.1.1.
- Perroux F. *L'économie du XXe siècle*. Paris: Presses Universitaires de France, 1961, 598 p.